

Д. Д. Дымская

ПРАВОВОЙ АСПЕКТ КАЗНИ КАТИЛИНАРИЕВ

Проблема казни катилинариев является очень сложным вопросом, поскольку затрагивает не только исторические и правовые, но также и моральные аспекты. Споры о ней велись еще в древности: достаточно вспомнить знаменитую словесную дуэль между Цезарем и Катонем у Саллюстия (Sall. Bell. Cat. 51–52), речь Цицерона в защиту своей позиции (Cic. Cat. IV) и последующее изгнание оратора из-за того, что ему все-таки удалось совершить то, что он хотел, иначе говоря — казнить заговорщиков (App. B. C. II, 15; Plut. Cic. 30–31). С точки зрения римского права это было грубым нарушением существующих законов, но, с другой стороны, когда катилинариев только казнили и Цицерон объявил об этом перед народом, никто и не думал его упрекать; наоборот, Катон даже назвал его Отцом Отечества, а народ с удовольствием подхватил это обращение, так что Цицерон оказался первым из римлян, заслужившим подобные почести (Plut. Cic. 23). Все это наводит на мысль о том, казнь все-таки была оправданной мерой, и государству действительно грозили немалые беды со стороны заговорщиков — такая суть полемики среди древних.

Однако споры по данному вопросу продолжались и в более поздние времена. Так, например, Т. Моммзен был решительно настроен против казни катилинариев и обосновывал свое мнение соображениями законности — так же, как и Цезарь, взгляды которого ученый всесторонне поддерживает [1, с. 178–179]. Р. Хасбэнд придерживается аналогичного мнения и хладнокровно разбирает в своей статье все юридические ошибки, допущенные во время суда над заговорщиками; казнь последних он, как и Моммзен, считает незаконной [2, р. 4–23]. А вот Эд. Майер не согласен с Моммзеном: он полагает, что надо учитывать не только юридические формальности, но и обстановку, в которой принималось решение. Ведь положение на самом деле было достаточно серьезным, и поступить иначе в тех обстоятельствах, с точки зрения Майера, было нельзя. Более того, он утверждает, что Цицерон был абсолютно прав и ничего противозаконного не сделал [3, S. 36]. Приблизительно то же самое говорит и Х. Скаллард [4, р. 114]. Что же касается А. Боака и В. Синнигена, то они занимают компромиссную позицию: по их мнению, нельзя сказать точно, была ли эта процедура законной и действительно ситуация требовала немедленной казни [5, р. 221].

Мы упомянули здесь только нескольких исследователей, хотя, разумеется, тех, кто занимался данным вопросом, было гораздо больше, и для детального рассмотрения их трудов и взглядов потребовалось бы обстоятельное историографическое исследование, которое, к сожалению, невозможно уместить в рамках одной статьи. Poleмика между тем продолжается и по сей день, и мы хотели бы попытаться изложить здесь собственный взгляд на решение указанной проблемы.

Дымская Дарья Дмитриевна — аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
e-mail: Cromwell@inbox.ru

© Д. Д. Дымская, 2013

Ввиду общеизвестности сюжета мы не будем пересказывать его во всех подробностях и лишь кратко изложим те факты, которые будут иметь значение для понимания сути данного вопроса. Все, что о нем известно, основано на данных Цицерона, Саллюстия, Плутарха, Аппиана, Веллея Патеркула и Диона Кассия. И если суммировать приведенные ими сведения, то мы получим следующую картину.

Катилина после первой обвинительной речи со стороны Цицерона вечером 8 ноября покинул Рим и уехал в Этрурию к Манлию, который уже набирал там для него войска (Sall. Bell. Cat. 28; 31). В городе же осталась так называемая группа Лентула-Цетега, которой было поручено убить Цицерона и наиболее видных сенаторов, а также поджечь Рим в 12 местах. Цицерон знал о том, что планировалось, но у него пока не было прямых доказательств, которые смогли бы убедить сенат и народ. Однако вскоре ему удалось их раздобыть благодаря нехитрым манипуляциям с аллоброгскими послами, которые в тот момент как раз прибыли в Рим. Цицерон проинструктировал их, как получить от заговорщиков письма к Катилине, но при этом недвусмысленно дал понять, что эти письма впоследствии следует передать ему. И вот, ранним утром 3 декабря 63 г. до н.э., аллоброги покинули Рим в сопровождении одного из заговорщиков — Вольтурция, который должен был отвести их к Катилине в Фезулы. Однако все они попали в засаду, организованную Цицероном у Мульвиевого моста¹, и были арестованы. Уже на рассвете письма легли на стол Цицерона (Plut. Cic. 18. Sall. Bell. Cat. 40–45).

Получив желаемое, консул немедленно пригласил остальных четырех заговорщиков к себе домой, но причину вызова, естественно, не указал (Sall. Bell. Cat. 46). Он решил незамедлительно созвать сенат и одновременно отправил претора Сульпиция обыскать дом Цетега, где и были найдены много оружия, а также пакля и сера для поджога (Plut. Cic. 18, 19).

Вольтурцию пообещали неприкосновенность за его показания, и он сказал всю правду. Галлы тоже поведали свою историю (Sall. Bell. Cat. 47), а затем по одному стали вводить заговорщиков и предъявлять им письма. Каждый — кто после небольших записок, а кто — сразу, признал свою печать и руку (Sall. Bell. Cat. 47; Cic. Cat. III. 5), причем по мнению Р.Хасбэнда, тут не обошлось без предварительного допроса третьей степени [2, р. 5]. Напрямую в источниках об этом ничего не говорится, однако после прочтения характеристик, которые дают заговорщикам древние авторы (Sall. Bell. Cat. 24; Plut. Cic. 17), создается впечатление, что по крайней мере *некоторые* из них были людьми крутого нрава и вряд ли сознались бы в чем-то добровольно, так что если дознавателям и в самом деле пришлось немного с ними «поработать», то в этом нет ничего удивительного. В любом случае исключать такую возможность мы бы не стали, тем более, что и закон это допускал².

Четверо присутствовавших заговорщиков, а также Цепарий, схваченный при попытке покинуть город, были отданы на поруки в дома виднейших граждан (*custodia libera*). Что интересно, Статилий достался Цезарю, а Габиний — Крассу, которые тоже не были вполне свободны от обвинений в соучастии заговорщикам. С точки зрения

¹ Он же Эмилиев, он же Мильвиев. Мост через Тибр, находится на Фламиниевой дороге в 3 км к северу от Рима.

² Lex Cornelia, речь о котором пойдет ниже. О том, что использование «форсированных допросов» позволялось даже в отношении свободных граждан см.: Ammian, XIX. 2, 17: «Корнелиевы законы не допускают освобождения от сысков, хотя бы и кровавых, ни для кого (курсив наш. — Д.Д.)». Такого же мнения придерживается и Б. Кюблер [8, Sp. 548].

Моммзена, это было сделано специально, так как хитрый Цицерон хотел их «подставить»: если бы Цезарь и Красс позволили своим «подследственным» бежать, то оказались бы скомпрометированными перед лицом народа, а если бы все же задержали их, то на них косо смотрел бы уже Катилина [1, с. 183]. Но это сейчас не главное. Цезарь и Красс, как известно, не понесли особого ущерба в результате раскрытия заговора, чего нельзя сказать об основных его участниках.

Все, что мы перечислили выше, — арест, суд и задержание арестованных перед оглашением приговора — произошло утром и днем 3 декабря. На следующий день не случилось ничего такого, что могло бы значительным образом повлиять на судьбу пленников. А вот 5 декабря сенат вновь собрался для того, чтобы решить, как с ними поступить. Дискуссия по этому вопросу развернулась довольно серьезная; в ней принимали участие Децим Силан, Цезарь, Цицерон, Катон и, может быть, еще один-два сенатора (Sall. Bell. Cat. 50–54; Plut. Cic. 20–21). В результате они сошлись на том, что заговорщиков необходимо предать смертной казни, и приговор был тут же приведен в исполнение. Таким образом, между арестом и казнью прошло менее 60 часов.

Таковы основные факты. А теперь рассмотрим обычную римскую судебную процедуру и сравним ее с той, которую провел Цицерон. То, что планировали сделать заговорщики, можно, пожалуй, классифицировать как государственную измену (*perduellio*), и, следовательно, их дело попадает под действие закона об оскорблении величия римского народа. Первый из таких законов — *lex Apuleia*, принятый трибуном Апулеем Сатурнином, относится к 103 г. до н.э., а последний (относительно разбираемых событий) — *lex Cornelia* — был проведен Суллой в 81 г. до н.э. во время его диктатуры. Нас будет интересовать главным образом *lex Cornelia*, поскольку он на тот момент был самым современным, и именно с ним должен был считаться Цицерон при проведении суда. Итак, что же это за закон и в чем его принципиальная новизна?

Дело здесь в том, что, как отмечают в своей монографии А. В. Короленков и Е. В. Смыков, «если раньше такие законы принимались применительно к какой-то определенной ситуации... то теперь устанавливались нормы общего характера ... Этот закон... карал за подкуп, подстрекательство к заговору, дурное управление. Все эти нормы... были закреплением прежних норм. Но, собранные в рамках одного закона, они делали подсудным, по сути, любое действие, которое власть признавала негодным ей» [6, с. 319].

Судить тех, кого обвиняли в тяжких преступлениях, включая государственную измену, можно было двумя способами — либо посредством *quaestio perpetua* (чрезвычайная следственная комиссия по уголовным делам), либо *iudicium populi* (суд на центуриатных комициях)³. Р. Хасбэнд пишет, что обвинитель не мог сам выбирать, по какой форме должен проходить суд. По всей видимости, *quaestio perpetua* применялась в том случае, если частный гражданин подавал жалобу, а *iudicium populi* — если действие было инициировано магистратом [2, р. 6]. Главное различие между двумя этими формами правосудия заключается в том, что при *quaestio perpetua* суд осуществляется присяжными, в то время как председательствующий претор выносит приговор, на который не распространяется право апелляции, а при *iudicium populi* ответчик *всегда* может апеллировать к комициям или, если быть точнее, только народное собрание имеет право выносить приговор.

³ Самый яркий пример — дело Рабирия, 63 г. до н.э.

Очевидно, что мы имеем здесь дело с *quaestio perpetua de maiestate*. По правилам количество присяжных на этом суде должно было составлять от 50 до 75, а их «классовый» состав *lex Cornelia* определялся как сенаторский. Однако в 70 г. до н.э. вышел *lex Aurelia* с поправкой на то, что комиссия теперь должна состоять из трех классов: сенаторов, всадников и эрарных трибунов (грубо говоря, богатых плебеев) [7, с. 410]. Предполагалось, что это будет способствовать большей объективности присяжных, но у Цицерона, похоже, были другие требования к следственной комиссии. Он специально назначил присяжными представителей только той группы граждан, которая наиболее пострадала бы в результате заговора, что делает прозрачными его намерения в отношении заговорщиков.

Далее, если разбирать по пунктам все, что было неправильным в этом суде, следует отметить также, что консул не может действовать и как председатель, и как общественный обвинитель одновременно. Сенат не должен был выносить приговор, поскольку это входит в обязанности председателя. Обвиняемым не предоставили ни защитника, ни свидетелей, которые могли бы высказаться в их пользу. И, наконец, весь этот процесс был *слишком* коротким: если раньше дела разбирались по несколько дней или даже недель, то теперь под мудрым и динамичным руководством Цицерона сенаторы справились всего за 12 часов. Вот это и называется «правосудие на марше» — прогресс налицо.

Таким образом, говорить о законности тут не приходится — скорее о ее *видимости*. Что же касается приговора, то здесь тоже не все так просто. Для начала мы должны задать себе вопрос: а позволительно ли вообще казнить римского гражданина? *Lex Sempronia de capite civis Romani* от 123 г. до н.э. утверждает, что нельзя — *iniussu populi* (без приказа народа). Очевидно, под этим понимается уже известное нам *ius provocationis* — право обжалования приговора перед народом. Однако, с точки зрения Цицерона, катилинарии были настолько опасными людьми, что их дело не подлежало никакому обжалованию, и обойти Семпрониев закон ему помог *senatus consultum ultimum* — крайнее решение сената (Cic. Cat., I, 2. Plut. Cic., 15. Sall. Bell. Cat. 29). Оно было вынесено еще 21 и 22 октября и, похоже, действовало до тех пор, пока Цицерон не разрешит все проблемы, связанные с заговором.

Саллюстий достаточно подробно перечисляет права, которыми наделяло обоих консулов SCU. Они могли «набирать войско, вести войну, применять к союзникам и гражданам всяческие меры принуждения в Городе и за его пределами и в походах обладать не только высшим империем, но и *высшей судебной властью* (курсив наш. — Д. Д.); в иных обстоятельствах, без повеления народа, консул не вправе осуществлять ни одного из этих полномочий» (Sall. Bell. Cat. 29). Фактически SCU было равнозначно объявлению чрезвычайного положения в государстве, и задача консулов заключалась в том, чтобы это положение исправить. Ведь, как известно, экстремальные ситуации требуют экстремальных решений...

Но из-за необычайной власти, которые SCU предоставляет консулам, это решение часто вступало в противоречие с основными римскими законами, в то время как само оно законом не являлось, что видно уже из его названия: *senatus consltum*, а не *lex*. Благодаря вековому авторитету сената его решение, данное в форме *рекомендации*, было обязательным для исполнения именно вследствие уважения к рекомендующему. Но силы закона оно не имело. Поэтому вопрос о том, можно ли в рамках SCU совершать противозаконные действия ради защиты государства, остается открытым. Цицерон,

например, считал, что можно. «На основании этого постановления сената, тебя, Катилина, следовало немедленно предать смерти», — говорит он в своей первой речи против Катилины. И далее: «Хочу я, отцы-сенаторы, быть милосердным; не хочу, при таких великих испытаниях для государства, показаться безвольным; но я сам уже осуждаю себя за бездеятельность и трусость» (Cic. Cat. I, 2). То есть, по его словам получается, что он не только имеет право казнить Катилину (и, очевидно, его сообщников), но и просто *обязан* это сделать, чтобы спасти государство и оправдать ожидания тех, кто облек его такой властью: «Если я тотчас же велю тебя схватить, Катилина, если я велю тебя казнить, то мне, несомненно, придется бояться, что все честные люди признают мой поступок запоздалым, а не опасаться, что кто-нибудь назовет его слишком жестоким» (Cic. Cat. I, 2). Конечно, оратор, как всегда, преувеличивает, но, если не обращать внимания на риторику, то его позиция выглядит однозначной.

Цезарь же полагал иначе. У Саллюстия во время сенатских прений 5 декабря 63 г. до н. э. он предостерегает коллег: «Но вы, отцы сенаторы, должны подумать о последствиях своего решения для других. Все дурные дела порождались благими намерениями. Но когда власть оказывается в руках у неискушенных или не особенно честных, то исключительная мера, о которой идет речь, переносится с людей, ее заслуживших и ей подлежащих, на не заслуживших ее и ей не подлежащих» (Sall. Bell. Cat. 50, 26–27). И затем, ссылаясь «в духе Катона Старшего» [9, с. 499] на постановления предков, Цезарь намекает на то, что законы все же принимаются не просто так, и потому к ним следовало бы по крайней мере отнестись с уважением: «Когда государство увеличилось, и с ростом числа граждан окрепли противоборствующие группировки, начали преследовать невиновных и совершать другие подобные действия. Тогда и были приняты Порцийев и другие законы, допускавшие лишь изгнание осужденных. Такова, по-моему, отцы сенаторы, главная причина, не позволяющая нам принять беспримерное решение» (Sall. Bell. Cat. 50, 40–41). Исследователи, правда, неоднократно отмечали, что Саллюстий сам придумал все речи, которые встречаются в его произведениях, и что Цезарь у него говорит не на цезаревой, а на саллюстиевой латыни [9, с. 494]. Однако сути это не меняет. Во всех источниках говорится, что Цезарь выступал против смертной казни, и неважно, какими словами он это выразил⁴. Важен лишь смысл его речи, а сводится он к следующему: SCU не дает консулу права пренебрегать фундаментальными законами римского государства.

Сенаторы как будто начали соглашаться. Трудно сказать, что именно их убедило, но это были явно не угрозы: во-первых, Цицерон был слишком нерешительным человеком, чтобы злоупотребить данной ему властью, а во-вторых, если кому-то и грозили в будущем неприятности с популярами, то уж точно не сенаторам, поскольку отвечать за все пришлось бы Цицерону как консулу и как инициатору процесса⁵. И он это прекрасно понимал. Вот почему «консул, как и все трусы, страшно боявшийся обнаружить свою трусость, а вместе с тем трепетавший перед огромной ответственностью, созвал сенат и предоставил ему решить вопрос о судьбе четырех заключенных», — пишет Моммзен [1, с. 177].

⁴ Хотя, зная римский характер, нельзя не признать, что апелляция к нравам предков была довольно весомым аргументом.

⁵ И судьба в конце концов его настигла: в 58 г. до н. э., спустя пять лет после казни катилинариев, Публий Клодий добился его изгнания, обосновав свое решение желанием наказать тех магистратов, которые повинны в казни римских граждан (Plut. Cic. 30–32).

Вот и получается, что хотя заговора и сопутствующих ему беспорядков боялись все, но казнить плененных заговорщиков никто не решался. Кажется, и сенат, и консул понимали необходимость такого шага, но тем не менее пытались переложить ответственность за него друг на друга: сенат это делал при помощи своей стандартной формулы «*videant consules ne res publica detrimenti capiat*», а консул, в свою очередь, хотел, чтобы именно сенат вынес судьбоносное решение.

Однако речь Цезаря заставила поколебаться и сенаторов, и Цицерона. Они уже готовы были принять его сторону (Plut. Cic. 21), как вдруг слово взял Катон. Он видел, чем все может закончиться, и употребил всю силу своего красноречия для того, чтобы вернуть собрание к исходным позициям и настоял на незаконном, но действенном решении проблемы (Sall. Bell. Cat. 52. Plut. Cic. 21). Более того, он даже не постеснялся обвинить Цезаря в сочувствии заговорщикам (Plut. Cic. 21), что, видимо и удержало последнего от контрвыступления. У Саллюстия Катон говорит с позиций здравого смысла и объясняет, почему нельзя, согласившись с Цезарем, держать заключенных под арестом в разных частях Италии: «Гай Цезарь незадолго до меня рассуждал в этом собрании о жизни и смерти, надо думать считая вымыслом то, что рассказывают о подземном царстве, — будто дурные люди пребывают там далеко от честных, в местах мрачных, диких, ужасных и вызывающих страх. И он предложил забрать в казну имущество заговорщиков, а их самих содержать под стражей в муниципиях, очевидно опасаясь, что, если они будут в Риме, их силой освободят участники заговора или подкупленная толпа; как будто дурные и преступные люди находятся только в Городе, а не во всей Италии, как будто наглость не сильнее там, где защита слабее. Заговор устроили знатнейшие граждане, чтобы предать отечество огню; галльское племя, яростно ненавидящее все, что именуется римским, склоняют к войне; вражеский полководец с войском у нас на плечах. ... Чем непреклоннее будете вы действовать, тем больше будут они падать духом; если они усмотрят малейшую вашу слабость, то все, кто преисполнен наглости, немедленно окажутся здесь» (Sall. Bell. Cat. 52. 13–18).

Катон упрекает сенаторов за недостаточную решительность и уже прямо издевается над их слабостью: «А вы? Медлите даже теперь и не знаете, как поступить с врагами, схваченными внутри городских стен? Я предлагаю: пощадите их — преступление ведь совершили юнцы из честолюбия. Отпустите их, даже с оружием. Но берегитесь, как бы ваши мягкость и сострадание, если люди эти возьмутся за оружие, не обернулись несчастьем! Положение само по себе, разумеется, трудное, но, быть может, вы не боитесь его. Да нет же, оно необычайно страшит вас, но вы, по лености и вялости своей — каждый ожидая, что начнет другой, — медлите, очевидно полагаясь на бессмертных богов, не раз спасавших наше государство во времена величайших опасностей» (Sall. Bell. Cat. 52. 24–28). Опять же, быть может, он вовсе и не говорил таких вещей, и это просто очередной плод фантазии Саллюстия, но, по нашему мнению, данный пассаж был бы тогда вполне уместен. Во всяком случае, тому, что говорит Катон (или что вкладывает в его уста Саллюстий), нельзя отказать в логике⁶. Есть основания полагать, что он, как и Цицерон, был неплохим юристом и отлично понимал, что казнь заговорщиков будет дей-

⁶ Речь Катона была запротоколирована (Plut. Cat. Min. 23), и возможно, Саллюстий или те вольноотпущенники, которые готовили для него материал, читали ее в оригинале. Поэтому, если согласиться с теми авторами, которые считают писателя цезарианцем (например, Эд. Шварц или Т. Моммзен), то станет понятно, почему он предпочел удалить критику Цезаря из этой речи и сосредоточить внимание на других ее аспектах.

ствием противозаконным; но в отличие от своего коллеги Катон вовсе не стремился нести на плечах весь мир и не боялся ответственности. Будучи человеком ригористичным и целеустремленным, он сумел убедить сенаторов в том, что надо закончить то, что начато, и что лучше пожертвовать малым ради спасения основного.

Итак, подведем итоги. Перед нами три точки зрения: 1) представленная Цицероном, в соответствии с которой SCU дает консулам практически ничем не ограниченные полномочия и позволяет им даже казнить римских граждан без апелляции к народу; 2) представленная Цезарем, утверждавшим, что SCU вовсе не освобождает консула от соблюдения основных законов, и 3) представленная Катоном, который верил в принцип «*salus populi suprema lex esto*» и считал, что ради спасения отечества законом можно и пренебречь.

Кто же из них прав?

Мы больше склоняемся к третьему варианту⁷. Да, суд был неправильным; да, приговор так и не прозвучал (по крайней мере, председатель его не озвучил), а казнь свершилась; да, заговорщикам не дали обратиться к народу. Но ведь на это были свои причины! И дело, как нам кажется, тут вовсе не в том, что Цицерон боялся, будто толпа оправдает катилинариев. Сам он был искусным оратором, и ему ничего не стоило предварительно обратиться к толпе с порочащей их речью, после которой уже никто не захотел бы оправдывать таких ужасных людей. В принципе, Цицерон так и сделал, когда рассказывал согражданам об итогах заседания 3 декабря (Cic. Cat. III). Проблема заключалась скорее в том, что в Риме долгое время не выносились смертные приговоры, и поэтому не было надежных тюрем [2, р. 8–9], а «рабы и вольноотпущенники... Лентула и Цетега, собрав много ремесленников, пробрались окольными путями и окружили помещение преторов, чтобы освободить своих господ» (App. B. C. II. XIV. 5).

Понятно, что, если бы им это удалось, случилось бы как раз то, о чем предупреждал Катон. Моммзен, правда, считает, что казнь была ошибочным и трусливым решением, вызванным исключительно тем, что «нельзя было доверять надежности тюрем и не было достаточно полицейских» [1, с. 179], но мы в данном вопросе согласились бы скорее со Скаллардом. «Возможно, Цицерон слишком поторопился, — пишет он, — но его первейшей обязанностью было защищать общество, и в этом он преуспел» [4, р. 114]. И действительно, учитывая обещания Катилины своим сторонникам (по словам Саллюстия, он «посулил им отмену долгов, проскрипцию состоятельных людей, магистратуры, жреческие должности, возможность грабить и все прочее, что несут с собой война и произвол победителей» (Sall. Bell. Cat. 21), а также методы борьбы), можно только радоваться, что его революция не состоялась. Этому способствовала и казнь группы Лентула-Цетега: узнав о ней, сообщники Катилины в Этрурии начали спешно покидать его войско (Sall. Bell. Cat. 57) и тем самым облегчили задачу правительственным войскам. Очевидно, такое их поведение и имел в виду Катон, когда говорил: «Чем непреклоннее будете вы действовать, тем больше будут они падать духом» (Sall. Bell. Cat. 52, 18). И он не ошибся.

Что же касается Цицерона, то он, по нашему мнению, просто исполнил свой долг, и в этом смысле казнь катилинариев была, как сказал Эд. Майер, «политической необходимостью» [3, S. 36].

⁷ Хотя, конечно, абсолютизировать вышеназванный принцип не стоит. Чтобы в дальнейшем избежать всякого рода двусмысленностей, отметим, что мы считаем его приемлемым лишь для данного эпизода (римской) истории.

Литература

1. Моммзен Т. История Рима. Т. III / пер. с нем. Н. Д. Ахшарумова. М.: «Фолио», 2002. 654 с.
2. Husband R. The prosecution of Catiline's Associates // *The Classical Journal*. 1913. Vol. 9, N 1 (Oct.). P. 4–23.
3. Meyer Ed. *Caesars Monarchie und das Prinzipat des Pompeius*. Stuttgart; Berlin: J. G. Cotta'sche Buchhandlung Nachfolger, 1922. 632 S.
4. Scullard H. H. *From the Gracchi to Nero. A history of Rome from 133 BC to AD 68*. London: Methuen & Co Ltd, 1972. 484 p.
5. Boak A. Sinningen W. *A History of Rome to A. D. 565*. New York: Macmillan, 1965. P. 221.
6. Kübler B. *Maiestas* // *Pauly's Realencyklopädie der klassischen Altertumswissenschaft (RE)*. 1926. Bd 13,1, Hbbd 27. Sp. 542–559.
7. Короленков А. В. Смыков Е. В. Сулла. М.: Молодая гвардия, 2007. 425 с.
8. Ковалев С. И. История Рима. М., СПб: Полигон, 2006. 864 с.
9. Альбрехт М. фон История римской литературы от Андроника до Боэция и ее влияние на позднейшие эпохи. Т. I / пер. с нем. А. И. Любжина. М.: Изд-во «Греко-Латинский кабинет Ю. А. Шичалина», 2003. 694 с.

Статья поступила в редакцию 7 февраля 2013 г.